

УДК 93/94+327

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИСТОРИИ: РОССИЯ – США

© 2010 г. **М.И. Лапицкий***

Академия внешней торговли, Москва

Опираясь на новую монографию В.Л. Малькова «Россия и США в XX веке» [12], автор размышляет над историей межгосударственных и дипломатических связей двух стран в социокультурном контексте. Особое внимание в статье уделяется периоду Второй мировой войны и деятельности президента Франклина Д. Рузвельта, сыгравшего важнейшую роль в установлении дипломатических отношений между двумя странами и создании антигитлеровской коалиции с участием Советского Союза.

Ключевые слова: *российско-американские отношения, Великая Отечественная война, Франклин Рузвельт, доктрина «баланса сил», ленд-лиз, второй фронт, «холодная война», преемственность внешнеполитического курса.*

В отечественной историографии российско-американских отношений недавно завершившегося столетия, в котором США и Россия (Советский Союз) играли особую роль пока ещё в «двуполярном» мире, образовалась незаполненная ниша. Это выражается в отсутствии крупных обобщающих трудов, выполненных с учётом современных подходов, методов, накопленных новых архивных источников и отвечающих запросам нового читателя и нового поколения исследователей. Сказалась, прежде всего, неустойчивость научных критериев, вследствие болезни «двоемыслия», воскрешающих постулат из антиутопии Джорджа Оруэлла о том, что жизнь может превратиться в расколотое существование – то одна правда, то другая и постепенно у людей развивается чувство опасности от смешивания одной с другой и определённая способность переключаться туда и обратно.

Различным аспектам многогранной проблемы взаимоотношений России и США в нашей литературе уделяется всё больше внимания [5, 24, 10, 14, 15, 9]. В начале XXI века возник даже новый метод исследования, характеризуемый его авторами (вернее, его родоначальником в отечественной историографии А. Эткингом) как «новый историзм»: соединение интеллектуальной истории и «интертекстуального анализа в путешествиях сквозь тексты, жанры и эпохи» [24, с. 417–471; 31]**. И всё же, несмотря на явные успехи в этом направ-

* **ЛАПИЦКИЙ Марк Исаакович** – доктор исторических наук, профессор. E-mail: mlapitsky@mail.ru

** «Новый историзм» в США возник несколько раньше – в 90-х годах XX века.

лении, следует констатировать, что фактически пространство неисследованных тем сокращается весьма медленно.

Две страны – Россия и США никогда не были в состоянии войны: учитывая прошлое человечества, факт уникальный в отношениях между двумя великими державами. История помнит и моменты сближения между ними. Например, присутствие российского флота в знак поддержки Севера во время Гражданской войны в Америке; боевой союз в годы Второй мировой войны; периоды сближения, либо отторжения между двумя странами во второй половине XX века.

Особому алгоритму в отношениях между двумя странами в век революций, мировых войн и ядерного противостояния посвящена недавно вышедшая в нашей стране солидная монография известного российского историка-американиста В.Л. Малькова «Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте», в которой автор выявляет ряд важных факторов, определивших внешнеполитическое поведение обеих стран в рамках их двусторонних отношений и в мировых делах с конца XIX вплоть до конца XX века [12]. Причём, весь этот широкий комплекс вопросов рассматривается в тесной связи с проблемами духовности, мироощущения американцев и русских как культурных общностей с присущими им сходством и различием. Работа раскрывает внутренние факторы социокультурного и историко-психологического характера, влияющие на формирование того, что принято называть константами поведения обеих стран на мировой арене, и повлиявшими на эволюцию их межгосударственных и дипломатических отношений.

Хронологически монография охватывает более чем столетний период – с момента выхода Соединённых Штатов на мировую арену в качестве ведущей державы и параллельно утраты этого статуса Россией вследствие кризиса и краха самодержавия и вплоть до «постперестроечного» раунда в отношениях двух стран в условиях умножения глобальных рисков мирового развития на рубеже XX–XXI веков. Работа в значительной степени написана на базе новейших исследований и документальных публикаций.

Речь в монографии, прежде всего, идёт о социокультурном факторе, различиях в восприятии образов «чужого» конкурента, соперника, даже «врага» в национальном сознании и исторической памяти «низов» и «верхов» как в одной, так и в другой стране. Каждый важный период пройденного пути почти в полтора века, отмеченный в истории дипломатических отношений между Россией и Соединёнными Штатами какой-либо новой гранью – от «дружественных» объятий времён Гражданской войны в США до совместных усилий по преодолению наследия «холодной войны» (далеко не всегда успешных) – исследован В.Л. Мальковым в лучших традициях академизма с опорой на научные принципы.

Основополагающим для автора книги, как нам представляется, является признание непреходящего значения постоянства многих черт российской и американской истории. «Преломляясь в общественных настроениях и внешнеполитической деятельности верхов, – пишет В.Л. Мальков во введении, – эти константы приобретают форму сквозных линий, которые наряду с экономиче-

ским и геополитическим интересами управляют исторической преемственностью во внешнеполитической практике и дипломатии» [12, с. 10].

Автор отдаёт себе отчёт в чрезвычайной сложности исторической реконструкции общественных настроений в связи с внешнеполитической проблематикой и конкретно с таким её специфическим разделом, как отношения между Россией и США на протяжении жизни многих поколений. Есть опасность в оценке этого изменчивого явления (некоторые исследователи так и не смогли её избежать) оказаться в плену политической конъюнктуры, пристрастной и избирательной по определению. Между тем, как показывает автор исследования, национальная мысль развивается не однолинейно, а по различным направлениям, расслаиваясь на подсистемы. В монографии отражены оттенки мировидения, самоосмысления, изменение состава морально-нравственных идей и критериев, усиление или ослабление религиозно-конфессионального влияния, вовлечение новых социальных слоёв и этнических групп в процесс национальной духовной жизни. К тому же эти многочисленные течения дробятся, иной раз по признаку противоположности. Однако, как справедливо указывает В.Л. Мальков, существует коллективная идентичность, чувство принадлежности к целому, которая имеет тенденцию проявлять себя в трудные, поворотные моменты истории [12, с. 10–11].

Актуальность замысла, осуществлённого автором монографии, заключается в том, что он отвечает потребности к преодолению зауженного взгляда на проблему, характерного для политизированного нарратива, в рамках которого преимущественно развивались исследования по истории российско(советско)-американских отношений в XX веке. В целом их значение ни в коем случае не может быть преуменьшено (автор опирается на достижения отечественной историографии, подчёркивая во многих случаях их приоритет в мировом историческом знании), однако сегодня достаточно остро ощущаются недостатки концентрации внимания на чисто событийной стороне проблемы, на её лежащей на поверхности обычной последовательности смены фаз, этапов в деятельности государственных структур и ведомств, государственных деятелей. В исследовании В.Л. Малькова использованы возможности так называемого кросс-культурного анализа в сочетании с другими познавательными средствами различных смежных дисциплин (социальной психологией, конфликтологией, историей ментальности и др.), дающих ключ к пониманию сложных двусторонних отношений.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет первая глава монографии: «Переход к индустриализму: от “сердечного согласия” к конфронтационности», в которой поэтапно, шаг за шагом прослеживаются русско-американские отношения с конца XIX века до 1917 г. Автор приводит многочисленные факторы, влиявшие в то время на формирование образа США в общественном сознании России. В этой связи В.Л. Мальков справедливо указывает на роль Дальнего Востока, поскольку и до, и после окончания русско-японской войны центральной «болевым точкой» взаимоотношений России и США оставался «китайский вопрос». Именно этот вопрос отразил меру противоречий, которые накопились между двумя странами в связи с их выходом на азиатский рынок и на тихоокеанское пространство, именно в этом регионе

происходило столкновение их геополитических интересов. Обе стороны обвиняли друг друга в имперских амбициях, в Соединённых Штатах во многом именно в связи с этим клубком проблем формировались взгляды, ставшие впоследствии основой имперского мышления (Джон Фиск, Брукс Адамс, Альфред Мэкен и др.) [11, с. 15–69; 1].

В начале XX века в России наблюдался заметный поворот в реакции на быстрое выдвижение Соединённых Штатов на мировое лидерство. Как подчеркивает автор монографии, главными проводниками нового, реалистического взгляда на происходящие перемены в мире, на ситуацию в отношениях двух стран в контексте региональных и международных отношений на длительную перспективу были российские дипломаты. «Общий вывод из их анализа был неутешителен, – подводит итог В.Л. Мальков, – российско-американские отношения имеют тенденцию к осложнениям и по причине неурегулированности правовой базы, и по причине специфической заинтересованности обеих стран в расширении своего присутствия в этом стратегически важном регионе» [12].

Автор последовательно прослеживает этапы борьбы советской дипломатии за прорыв блокады вокруг Советской России, за её признание Соединёнными Штатами, состоявшееся лишь в 1933 г. «Сложное и не лишённое византийских ухищрений маневрирование Ленина и Чичерина, – пишет В.Л. Мальков, – показало ещё раз, что они оба вполне усвоили стиль успешного периода российской дипломатии после поражения в Крымской войне. Россия вновь “сосредоточивалась”, не упуская возможности предпринимать акции, создающие впечатление возвращающей себе силу и уверенность страны» [12, с.168].

Экспериментальный характер общественных преобразований, проводимых в директивном порядке в Советском Союзе сталинским руководством, и социальные реформы Рузвельта в рамках «Нового курса» ставили обе страны в положение конкурентов, соревнующихся за первенство в деле ускорения модернизации, перестройки социально-экономических и государственных институтов. Автор пишет, что «сходство (может быть, весьма отдалённое) декларируемых целей – избавиться от пороков старого порядка и преодолеть зависимость маленького человека, рядовых граждан от слепой игры экономических сил – вызывало взаимный интерес, желание лучше понять друг друга» [12, с. 172]. Установление дипломатических отношений между двумя странами привело и к усилению их разносторонних культурных связей [5, с. 201–244]. Немалую роль в сближении двух стран играл президент Рузвельт. «Нам надо считаться с фактом, что судьба наших отношений с США в известной степени связана с судьбой самого Рузвельта», – писал посол СССР в США А.А. Трояновский [12, с. 176].

Роли личности Рузвельта в период Второй мировой войны в монографии В.Л. Малькова (как и в целом в творчестве этого исследователя) уделяется немалое внимание. Остановимся и мы на этом вопросе, учитывая и то, что 2010 год – юбилейный: в мае исполнилось 65 лет нашей Победе в той войне. Была отмечена в текущем году и другая дата – 65 лет со дня смерти Франклина Рузвельта.

Советско-американские отношения на фоне войны

В кризисное десятилетие 1930-х годов ярко проявился дуализм американской внешней политики на «советском направлении», отражавший столкновение двух начал в американском общественном мнении. Одно из них представляли те, кто полагал, что сталинизм лишь увеличил коммунистическую угрозу, укрепив советское государство и усилив военную мощь страны. Другое – теми, кто считал, что мирными инициативами на международной арене СССР доказал свою приверженность коллективной безопасности [12, с. 176].

В книге В.Л. Малькова подробно исследуется эта двойственность на примере деятельности первого посла США в СССР Уильяма Буллита, преодолевшего в кратчайшие сроки дистанцию от симпатии к «социалистическому эксперименту» до безоговорочного неприятия любого сотрудничества с СССР, особенно в военной области.

Незначительный в целом для истории период между июнем и декабрём 1941 г. занимает, тем не менее, особое место в жизни нашей страны. Представляет он и важную главу в истории советско-американских отношений. Хронологические рамки обозначенного периода обусловлены двумя крупными событиями того времени – началом Великой Отечественной войны и вступлением во Вторую мировую войну Соединённых Штатов. Происходившие в этот период события изменили соотношение сил на мировой арене, а формирование антигитлеровской коалиции ускорило военное и политическое поражение Германии и её союзников. В событиях военного времени заметное место принадлежит президенту США Франклину Рузвельту.

Нельзя сказать, что деятельность Ф. Рузвельта, в том числе в период Второй мировой войны, получила должное освещение в нашей печати. О нём писали у нас немало – в разное время по-разному, но в целом, несомненно, с большей симпатией, чем о других американских президентах XX века [25, 13]. И всё же боязнь «перехвалить», строгая дозировка «положительного» и «отрицательного», думается, достаточно серьёзно препятствовали тому, чтобы можно было составить действительно полное и целостное представление о великом президенте: писавшие о нём, отдавая должное этой исторической личности, одновременно как бы оправдывались в этом. По-видимому, отечественная литература ещё не нашла того ракурса, который бы позволил выработать цельную трактовку американского реформатора. В этом отношении новая монография В.Л. Малькова составляет исключение.

Эпоха Рузвельта во многом стала поворотным пунктом в истории США, когда обнажились все основные противоречия, накопившиеся в предшествующие годы развития страны, и были заложены предпосылки важнейших тенденций в экономике, политике и идеологии, характерные для современного развития американского общества. Рузвельт появился на политической арене в критический для Соединённых Штатов момент. Времени для выжидания не было, только немедленные, энергичные, решительные действия могли предотвратить перерастание панических настроений в социальный взрыв. Ему досталось тяжёлое наследие «великого кризиса», не имевшего себе равных по продолжительности и силе. В 30-х годах XX века, в условиях обострения между-

народной обстановки и нависшей угрозы новой мировой войны, Вашингтон продолжал проводить политику изоляционизма, дистанцирования от конфликтов в остальном мире, особенно в Европе. В 1935 г. Конгресс США принял закон «О нейтралитете», запрещающий продажу американского оружия воюющим сторонам, не делая при этом различия между агрессором и его жертвой.

В своей монографии В.Л. Мальков показывает, как президентом Рузвельтом исподволь готовилась новая доктрина национальной безопасности. «В этом свете, – отмечает автор, – иное, более существенное значение стали придавать требующим огромных вливаний многим направлениям фундаментальных исследований, сулящим прорыв в области наступательных и оборонительных вооружений» [12, с. 330].

Подробно рассматривается в книге позиция американского интеллектуального сообщества, которое охотнее других перешло на сторону носителей «военной готовности» – *ньюдилеров*, оказавшихся на правительственных должностях и отстаивавших идеи президента о смене вектора внешнеполитического развития страны в направлении поддержки сил, противостоящих странам «оси». Автор показывает, что это во многом «предопределило процесс плавной трансформации антикризисного управления экономикой в управление военной мобилизацией» [12, с. 331]. Встречное движение администрации и представителей науки, с большой охотой откликнувшихся на военные нужды, воплотилось в создании национального Комитета оборонных исследований (июнь 1940 г.) и Управления научных исследований и опытно-проектных работ (июнь 1941 г.).

Но с именем и делами Рузвельта связана в первую очередь его программа по трансформации американского капитализма. На старте своей радикальной преобразовательной деятельности он произнёс слова, ставшие крылатыми: «История человечества развивается по мистическим циклам. Одним поколениям многое даётся, с других многое спрашивается, нынешнее поколение американцев встречается с судьбой» [16, с. 218]. Американские президенты любят произносить громкие, напыщенные фразы, но в данном случае мысль Рузвельта преисполнена глубоким смыслом.

«Главное что-то пытаться сделать», – повторял он. Решающим для него был результат. Быть непоследовательным для него означало куда меньше зло, чем быть беспомощным. «Единственно, чего нам следует бояться, – говорил Рузвельт, – это страха – отчаянного, безрассудного, неоправданного ужаса, который парализует усилия, необходимые для превращения отступления в наступление» [6, с. 382].

Действительно, многие шаги Рузвельта в период войны можно расценить как противоречивые, непоследовательные. По ходу военных действий он немало импровизировал. Впрочем, то же самое можно сказать и о политике Сталина и Черчилля – союзников Рузвельта по коалиции. «Никто из них не проявлял большой последовательности в тактике или не очень беспокоился об этом, – пишет о руководителях США, СССР и Великобритании известный американский историк Артур Шлезингер, – все они допускали определённую двусмысленность, чтобы сохранять за собой возможность решать большие проблемы; и теперь практически неясно, как толковать то или иное заявление,

сказанное кем-либо из них в каком-либо конкретном случае. Так было частично потому, что, подобно всем властителям, они строили свои высказывания так, чтобы произвести определённый эффект на определённую аудиторию; частично потому, что совершенно неповторимая интеллектуальная сложность всех вопросов, которые вставали перед ними, делала степень колебаний и компромиссов вполне допустимой. Если историки даже теперь, оглядываясь назад, не могут разрешить эти проблемы, то кто они такие, чтобы обвинять Рузвельта, Сталина и Черчилля в том, что они не разрешили их в своё время?» [23, с. 244–245].

Франклин Рузвельт был великим президентом, выделяющимся среди других американских деятелей ясным и чётким стратегическим мышлением. Он, возможно, как никто другой из американских президентов, мог воодушевить своими идеалами большую часть населения своей страны. Обладая завидной уверенностью в непогрешимости любого политического шага, какой бы он ни предпринимал, Рузвельт умело использовал президентскую власть для достижения поставленных целей.

Политический курс Рузвельта, говоря словами другого американского президента Л. Джонсона, являет пример деятельности человека, способного решать страшные проблемы в страшное время. Война, несомненно, была таким временем, и, хотя театр военных действий был вдали от американских берегов, Соединённые Штаты явственно ощущали её жаркое дыхание. Ещё будучи губернатором штата Нью-Йорк, Рузвельт проявил себя искусным политиком. Возможно, глубже и острее, чем кто-либо другой в руководстве демократической партии в начале 1930-х годов, осознавший необходимость перемен, он в то же время действовал осторожно, не делал громких заявлений, не раскрывал преждевременно своих карт, исподволь готовясь к будущему реформаторству. Эти черты политики стали как бы «визитной карточкой» Рузвельта и в последующие годы, когда он стал во главе государства.

Рузвельту присуща была некая двойственность, особенно в качестве главнокомандующего. С одной стороны, он, несомненно, был человеком твёрдых убеждений и принципов, с другой – по словам его биографа Дж. Бернса, буквально «одержим идеалами и верой», отличался превосходным стратегическим чутьем и часто удачно составлял планы на много лет вперёд. Но его действия определялись также трезвым прагматизмом; он умело преследовал не только дальнесрочные цели, но и узкопрактические, сугубо тактические интересы, всегда был готов отстаивать свою власть и авторитет в постоянно меняющейся обстановке военного времени [2, с. 7].

Характеризуя политику Рузвельта в эти годы, Бернс, не понаслышке знакомый с политической кухней США тех лет, подчёркивает характерную черту президента, особенно ярко проявлявшуюся в период войны: Рузвельт «не питал привязанности ни к кому – мужчине, женщине, стране, союзнику или принципу, – но лишь к какой-то цели, столь глубоко в нём скрытой и в то же время столь трансцендентной, что немногие могли распознать её в сложное, бурное время» [2, с. 66].

Когда он оказывался в трудном положении, что бывало нередко, прагматические соображения диктовали ему корректировку курса, и он охотно шёл на

неё, сознавая влечение момента. Сподвижники Рузвельта отмечали его «огромную восприимчивость», которая была одновременно и сильной, и слабой его чертой. Слабой, потому что она иной раз подчёркивала его непоследовательность, ограниченность; и сильной, потому что делала его мобильным, гибким при выборе одного решения из множества возможных. Представляется, что его талант заключался не столько в способности решать сложные экономические, социальные и чисто военные проблемы, сколько в обострённом чутье на политически осуществимые решения. Нельзя сказать, что Рузвельт постоянно бывал инициатором перемен (ему повезло на помощников и советников – часто они выступали в этой роли), но можно с уверенностью сказать, что, если не всегда, то, по крайней мере, почти всегда, он был их «катализатором».

В своей монографии В.Л. Мальков пишет: «Рузвельт уточнил важнейшие задачи по возрождению национальной идеи: осознание народом его места в истории и продолжение “американского эксперимента” ради свободного развития человечества» [12, с. 325]. Инициатор реформ «Нового курса» безошибочно умел угадывать настроения большинства.

Рузвельт не был идеологом, но у него были свои «исходные посылки», которыми он неизменно руководствовался. Будучи человеком здравого смысла, он не позволял идеологии стоять на его пути. И, вместе с тем, это впечатление иной раз бывало обманчивым. Воспринявший идеи Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона, Франклин Рузвельт был подлинным американским либералом со всеми его характерными чертами, абсолютно уверенным в том, что «американизм (более подходящее слово, нежели либерализм. – *М.Л.*) – настолько разумная, логичная и практичная вещь, что все общества приняли бы эти ценности и системы, если бы им только была предоставлена такая возможность» [8, с. 144].

Война требовала усиления президентской власти. Значительно окрепла в эти годы «президентская пресса». Ведь именно в период Второй мировой войны – во время третьего срока президентства Рузвельта (а не в более ранние годы) были заложены основы современного президентского правления в США. Конгресс же во время войны проявлял невиданную прежде покладистость и, если осмеливался возражать президенту, то лишь по второстепенным вопросам.

Рузвельт создал свой личный банк информации, содержащий бесчисленные письма, памятные записки, донесения, откровенные сплетни, доставлявшиеся услужливыми подчинёнными. Если обстоятельства и интересы требовали того, он уклонялся от соблюдения правил, обычаев, условностей. Он часто производил перестановку кадров, импровизировал по ходу событий, манипулировал, бывало и плутовал. Рузвельт пренебрегал ортодоксальными административными канонами, сознательно насаждал среди помощников соперничество, поручал одно дело нескольким сотрудникам, практиковал крайне широкий «спектр контроля», укрепляя, таким образом, своё непререкаемое положение арбитра и координирующего центра.

Руководствуясь как внутренним чутьём, прекрасно развитой интуицией, так и наблюдательностью, Рузвельт сделал множество очень точных, возможно, единственно верных назначений, сыгравших во время войны весьма важную роль. Это касается, несомненно, Г. Гопкинса, а также У. Хассета и Г. Смита в административной службе президента; Г. Стимсона, Дж. Маршалла,

Дж. Паттерсона – в военном ведомстве; Дж. Форрестола – во флоте, Э. Дэвиса – в службе военной информации; Д. Эйзенхауэра, Ч. Нимица, Д. Макартура – в качестве главнокомандующих на фронтах.

Как пишет В.Л. Мальков, «война 1939–1945 гг. представила в конкретных терминах уже сложившиеся, но всё ещё отвлечённые представления о том, какой должна быть военная стратегия США в войнах второй половины XX века. Во всех крупнейших операциях стратегического значения в годы войны Рузвельт и военное руководство США исходили из общей генеральной установки на абсолютный приоритет технических средств. Затраты людских сил должны быть минимальными» [12, с. 335].

Будучи в высшей степени трезвым политиком, Рузвельт, конечно, не питал никаких иллюзий относительно Сталина и его диктаторского режима, и тем не менее отдавал должное смелым шагам советского руководства, высоко оценивал мужество советских солдат. Когда Фултон Урслер из газеты «Либерти» прислал Рузвельту черновик передовой статьи с откликом на нападение Германии на Советский Союз, озаглавленной «К чёрту коммунизм!», президент ответил: «Если бы я сидел за вашим письменным столом, то написал бы передовую статью, осуждающую в одинаковой степени, как русскую, так и германскую форму диктатуры. Но в то же время я дал бы читателям ясно понять, что в настоящее время непосредственная угроза безопасности США исходит от гитлеровских армий» [12, с. 108].

«Баланс сил» или помощь СССР?

Как известно, летом 1941 г. все крупнейшие государства мира, за исключением США и Японии находились в состоянии войны. США не торопились в неё вступать, надеясь отделаться минимальными издержками. В администрации и Конгрессе шли нешуточные баталии относительно форм участия страны в заокеанском конфликте. В мае 1941 г. ближайшие сотрудники президента заметили несвойственную ему подавленность. «Во время ужасающего кризиса, – пишет Р. Шервуд, – вызванного молниеносной войной на Западе, Дюнкерком и падением Франции, он оставался почти в одиночестве в своей администрации, даже когда принимал смелые, отчаянные решения [22, т. 1, с. 241].

Сразу после нападения Германии на Советский Союз в высших эшелонах власти США было немало лиц, советовавших Рузвельту «не вмешиваться в конфликт фашистов и коммунистов». Так, посол США в СССР Л. Штейнгардт за несколько дней до нападения Германии на Советский Союз писал в одном из своих донесений: «Наблюдения за психологией тех лиц, которые осуществляют руководство советской внешней политикой... убедили меня в том..., что с ними невозможно наладить отношения “международной доброй воли”... Уступки воспринимались ими... с явным подозрением как признак слабости» [8, с. 131]. Некоторые из таких советчиков полагали, что Соединённым Штатам не следует ввязываться в войну, ибо дни Советского Союза сочтены; кроме того, они считали, что помощь США Стране Советов усилит коммунистов внутри самих Соединённых Штатах [30, р. 133–134].

Требовалась незаурядная политическая воля, чтобы преодолеть напор сторонников доктрины «баланса сил»*. С таких позиций выступали влиятельные политические деятели – бывший посол в СССР У. Буллит, сенаторы Р. Тафт, Б. Кларк, Б. Уилер, А. Ванденберг, члены Палаты представителей М. Дайс, Р. Вуд, Г. Фиш и др. Доктрина эта, пожалуй, в наиболее резкой форме применительно к войне между Советским Союзом и Германией прозвучала в высказывании будущего президента США, в то время сенатора, Гарри Трумэна, который 23 июня 1941 г. достаточно цинично заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах» [32].

И всё же, несмотря на достаточно дружный хор сторонников доктрины «баланса сил», звучавший задолго до начала Великой Отечественной войны, уже к середине июня Рузвельт и Черчилль договорились об оказании помощи Советскому Союзу в случае перехода Гитлером границы СССР, хотя Рузвельт и подчёркивал, что помощь Великобритании со стороны США будет пользоваться приоритетом. Размышляя о степени влияния на Рузвельта доктрины «баланса сил», а также концепции универсализма и сфер влияния, А. Шлезингер указывает на то, что и другие союзники США по антигитлеровской коалиции испытывали стойкое воздействие этих доктрин не в меньшей степени, чем Рузвельт. «Если Рузвельт мог считаться универсалистом с эпизодическими отклонениями в сторону политики сфер влияния, а Сталин был явным сторонником сфер влияния с эпизодическими жестами в сторону универсализма, то Черчилль, казалось, занимал срединную позицию...» [23, с. 251], – пишет Шлезингер.

В.Л. Мальков в своей монографии подчёркивает, что Рузвельт не раз говорил о необходимости помощи русским, исходя из национальных интересов Америки и сугубо практических соображений. Идеологические взгляды каждой из сторон в известной степени влияли на то, как и СССР, и США определяли свои национальные интересы, но в их формулировании немаловажную роль играли также и сугубо практические оценки военной стратегии, состояния тыла и т.д. Что же касается более далёкой перспективы советско-американских отношений, то при всём том, что Рузвельт нередко заглядывал в это пока ещё отдалённое будущее, его как трезвого политика, прежде всего, волновали вопросы конкретной борьбы советской армии с гитлеровской Германией, в частности, её способность оказывать сопротивление немцам.

* Речь в данном случае идёт о системе внешней политики, сводящейся к попыткам государства, занять положение арбитра между другими державами, обеспечив тем самым за собой позиции превосходства на международной арене при минимальной затрате собственных сил и средств. Такую политику балансирования на противоречиях других государств нередко сравнивают с поведением «смеющегося третьего», поскольку возвышение государства-«балансира» происходит за счёт относительного или абсолютного ослабления других стран. Соединённые Штаты нередко в XX веке использовали доктрину «баланса сил» [20, с. 146–237].

Логика Рузвельта понять нетрудно. Нацистская Германия представляла собой непосредственную угрозу для Соединённых Штатов, а потому следовало использовать любые возможности, ослабляющие её военную мощь и дающие США время, чтобы осуществить планы экономической и военной мобилизации. Кроме того, что бы военные советники Рузвельта ни говорили ему о том, что любой токарный станок, любой истребитель или зенитное орудие, обещанные русским, являются невосполнимой потерей для американской армии, потенциальные приобретения от помощи, с точки зрения президента, должны были со временем восполнить возможные потери для безопасности США*.

Знакомство с документами (В.Л. Мальков приводит некоторые фрагменты) свидетельствует о том, что тезис об альтруистических мотивах, стоявших за принятием решения США оказать помощь Советскому Союзу, не выдерживает критики. Многие крупные американские политические деятели того времени открыто высказывались в том смысле, что любые иные действия США лишь могут помочь Гитлеру в осуществлении попыток добиться «перемирия или мира на русском фронте». Для Рузвельта особо ценным было мнение Гарри Гопкинса, который, по его же собственным словам, был «глазами и ушами президента».

Поездка Гопкинса в Москву 30–31 июля, ставшая поистине «поворотным пунктом» в советско-американских отношениях, привела его к твёрдому убеждению, что помощь России – дело весьма выгодное для США [16]. Запись беседы Сталина и Гопкинса от 30 июля показала то особое значение, которое в Вашингтоне и Москве придавали совпадению взглядов по поводу положения в мире и той угрозы, которая исходила от германского фашизма для мировой цивилизации как явления антисоциального и враждебного мировому сообществу [17, т. 1, с. 80–82].

Убедительным свидетельством того, что можно было бы назвать концом «ледникового» периода, должно было стать предоставление Советскому Союзу американской военной и экономической помощи. Как замечает американский историк Э. Беннет, «американцы и русские оказались связаны друг с другом в такой степени, какую за несколько лет до этого невозможно было себе представить» [26, р. 231].

Исходя из необходимости сплочения сил антигитлеровской коалиции, СССР выразил «своё согласие с основными принципами декларации... имея в виду, что практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет соотноситься с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны» [3, т. 1, с. 146–147].

* Среди американских военных руководителей господствовало мнение, что американские поставки русским будут потрачены зря или даже попадут в руки немцев, ибо сопротивление русских будет продолжаться не более трех месяцев [21, с. 148–149].

Конкретные действия

Однако прежде чем начать проводить на практике политику предоставления помощи Советскому Союзу, говорится в рецензируемой монографии, Рузвельту необходимо было доказать её целесообразность своей администрации. Самым веским доказательством перспективности такой политики стал германский провал плана «молниеносной войны» на Восточном фронте и первые, пока ещё робкие, успехи советской армии. Анализ хода военных действий, а также информация, поступающая от британской разведки, убедительно доказывали, что Советский Союз вполне сможет продержаться до наступления зимы. Разведка докладывала и о весьма успешном переводе жизненно важных промышленных предприятий на Восток, подальше от линии фронта. Следовательно, если русские продолжат сдерживание немцев, то как политические, так и военные соображения потребуют от американцев, чтобы они в срочном порядке разработали программу предоставления СССР не символической, а вполне реальной помощи [27, р. 34].

В связи с вопросом о предоставлении помощи США Советскому Союзу на начальном этапе войны следует заметить, что здесь преследовались прежде всего политические цели. Ни Рузвельт, ни Гопкинс никогда не утверждали, что американская помощь может сыграть сколько-нибудь значительную роль в битве за Москву. Более того, они признавали, что лишь малая часть её сможет поступить русским до того, как решится исход кампании. В последующие же периоды войны Рузвельт рассматривал программу предоставления помощи нашей стране скорее как дело чести, нравственного долга, нежели как ценный вклад в усилия советского народа в борьбе против фашизма [29, р. 286].

Вскоре после решения о предоставлении помощи Советскому Союзу последовали и конкретные действия. Так, по настоянию Рузвельта стали приниматься меры по облегчению закупок, производимых СССР, был отменён исполнительный приказ, «замораживающий советские активы»; Белый дом принял решение о том, что закон «О нейтралитете» не может быть распространён на войну между Россией и Германией*. Началась немедленная погрузка на суда невоенных товаров стоимостью около 9 млн. долл. для вывоза в Советский Союз.

Уже в начале войны в политике Рузвельта проявился характерный для него стиль. Японцы с древних времён говорят, что *стиль* – это и есть *содержание*. Применительно к Рузвельту это утверждение кажется весьма мудрой максимой: то, что можно назвать стилем политики Рузвельта в отношении Советского Союза, так это восприятие его как *равного* партнёра. (Этот стиль был особенно замечен при сравнении отношения Черчилля к нашей стране). Размышляя о советско-американских связях в первый год Великой Отечественной войны, американский историк Теодор Уилсон замечает, что «помощь, предоставленная России Соединёнными Штатами, была реализована... на основе не зависимости, а равенства» [21, с. 162–163].

* Отмена распространения на СССР действия закона «О нейтралитете» означала, что суда, плавающие под американским флагом, могут заходить в советские порты [29, р. 10].

Во время поездки Гопкинса в Москву в конце июля 1941 г. была достигнута договорённость о созыве конференции СССР, США и Великобритании по вопросу о помощи со стороны западных стран. Результаты конференции, пожалуй, удовлетворили все заинтересованные стороны. 1 октября было подписано соглашение, в котором перечислялись «виды и объём поставок» из США и Великобритании в Советский Союз на предстоящие девять месяцев, – соглашение, известное впоследствии как Московский протокол.

Логика требовала распространения на Советский Союз действия закона о ленд-лизе, однако, как пишет в своей книге В.Л. Мальков, на деле всё было не так просто. Законопроект об ассигновании на ленд-лиз рассматривался Конгрессом, и оппозиция решительно выступила против его предоставления Советскому Союзу. Была предложена поправка к этому закону, запрещавшая предоставлять помощь русским, но она не прошла. Опросы общественного мнения – важный барометр для Рузвельта – показали, что большинство американцев выступают за оказание помощи Советскому Союзу.

30 октября Рузвельт информировал Сталина о том, что он предложил предоставить помощь Советскому Союзу в рамках закона о ленд-лизе. 7 ноября 1941 г. Временный поверенный в делах СССР в США А.А. Громыко вручил Рузвельту открытое послание Сталина, в котором содержалась благодарность президенту. Сталин выразил пожелание установить «личный, непосредственный контакт» с целью обсуждения вопросов, вызывающих взаимный интерес*. Свидетельством значительного «потепления» отношений между двумя странами может служить послание Гопкинса к советскому народу в связи с 24-й годовщиной Октябрьской революции. «Сегодня празднование годовщины вашей революции, – говорилось в послании, – означает решимость мужественного народа отдать жизни и достояние для защиты Родины и вашего образа жизни. Вместе с вами в борьбе против нацизма участвуют народы различной расовой принадлежности, исповедующие различные религии и придерживающиеся различных политических систем. Но мы все едины в стремлении отразить жестокий удар агрессоров... Мы все едины в признании нашего невосполнимого долга перед русским народом, ведущим с почти нечеловеческой стойкостью борьбу с врагом. Моим глубоким убеждением является то, что ваша борьба в защиту Родины войдёт в историю эпической страницей человеческого мужества и бесстрашия» [13, с. 222].

Известно, что после начала Великой Отечественной войны Рузвельт вынашивал несколько странную, но весьма благородную программу помощи на-

* Через пять месяцев, 11 июня 1942 г. между правительствами СССР и США было подписано Соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Согласно этому документу, американское правительство обязалось продолжать снабжать Советский Союз «теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые Президент Соединённых Штатов решил передавать или предоставлять». До 30 сентября 1945 г. США предоставили Советскому Союзу военного и невоенного имущества всего на сумму (в ценах 1945 г.) 11,2 млрд. долл. Поставки в СССР по ленд-лизу продолжались, хотя и в урезанном масштабе, до окончания войны с Японией. Официальной датой прекращения действия программы помощи Советскому Союзу считается 20 сентября 1945 г. К этой дате были полностью прекращены все поставки.

шей стране. Так, американский историк И. Гантер пишет о том, что президент к величайшему изумлению своих советников в конце 1941 г. огласил собственный план действий: скупить всю шерсть в нейтральных странах. Далее слово историку: «Рузвельт рассуждал следующим образом: а) скорее всего, русским всё же удастся удержать немцев, б) если это произойдёт, зимняя кампания неизбежна, в) зима всегда трудна для тех, кто воюет против русских, г) немцам неизбежно потребуется много шерсти для зимней формы одежды, д) наша задача не дать им возможности получить шерсть» [28, р. 125]. Но этот план, к сожалению, не был осуществлён.

Только к самому концу 1941 г. сложился основной механизм предоставления помощи Советскому Союзу. Ни США, ни Великобритания не хотели рисковать собственной безопасностью и интересами, для того чтобы помочь СССР. Но (и это «но» играло немаловажную роль) на протяжении последующих этапов войны Рузвельт полагал, что в интересах Соединённых Штатов следует предоставлять больше помощи. В отличие от Рузвельта, Черчилль, заботясь о защите иного комплекса интересов, постоянно стремился к ограничению такой помощи.

Следует заметить в этой связи, что несмотря на то, что интеллектуальное и культурное восприятие Советского Союза американцами далеко не всегда в годы войны совпадало с восприятием англичан, Великобритания оказывала значительное влияние на американскую внешнюю политику, в частности, на отношение США к СССР. Действительно, многое во внешней политике Вашингтона было непосредственной реакцией на хитросплетения политического курса Лондона. Поэтому, проследив шаг за шагом этапы взаимоотношений США и СССР в период войны, не следует сбрасывать со счетов и это немаловажное обстоятельство. Вместе с тем, было бы явным упрощением идеализировать отношения между США и Великобританией в эти годы. Ведь недаром один из историков войны – Дэвид Рейнолдс назвал англо-американские отношения «сотрудничеством соперников». Другой американский историк, на которого мы уже ссылались в данной статье, Уоррен Ф. Кимболл писал по этому поводу так: «Вопрос о предоставлении помощи Советскому Союзу в 1941 г. при всех оттенках возникавшей в связи с ним напряжённости в англо-американских отношениях предвещал остроту противоречий, которые возникнут между Лондоном и Вашингтоном позже в связи с проблемами второго фронта» [8, с. 142]. Так или иначе, рассматривая взаимоотношения Советского Союза и Соединённых Штатов в период войны, следует учитывать их явную неоднозначность и противоречивость, связанную с рядом обстоятельств и часто не укладывающуюся в рамки взаимоотношений лишь двух стран.

Не следует забывать, что реальную политику осуществляют реальные люди. Курс Вашингтона в отношении Советского Союза в годы войны, справедливо утверждает В.Л. Мальков в своей монографии, во многом определяла яркая, неординарная личность Франклина Рузвельта. Несомненно, проводимый им курс (при всей непоследовательности), направленный на сплочение антигитлеровской коалиции и предоставление помощи СССР, преследовал ярко выраженные политические цели; для подкрепления наиболее фундаментальных

среди них, он использовал все доступные ему средства – военные, организационные, дипломатические, пропагандистские. Он был *практическим* политиком, а это означало, что он решал непосредственные задачи смело или осторожно, нередко на ощупь определяя правильность выбранного метода или средства. Прагматик и импровизатор, в калейдоскопе военного времени он, конечно, целиком ориентировался на интересы своей страны и Запада. И всё же он умел увязывать решения военного времени с долговременной стратегией безопасности, причём в самом широком контексте. В этом смысле политика Соединённых Штатов, в частности их курс в отношении Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, яркое тому подтверждение.

Несколько заключительных замечаний

Появление контуров биполярного мира и вызов, брошенный Советским Союзом Западу в последние годы Второй мировой войны и после её окончания, убедительно показывает В.Л. Мальков в своей монографии, поставили Рузвельта, а затем и Трумэна перед весьма серьёзной альтернативой: сохранить ли тесные партнёрские отношения с СССР (добровольно тем самым соглашаясь с уравниванием США с советской сверхдержавой) или, опираясь на экономическое и военное (атомное оружие) превосходство, постепенно отвоевать геополитическое пространство, оказавшееся под контролем Советского Союза, сдерживать его устремления к превращению в альтернативный центр силы и в конечном счёте добиться либерализации советского режима и принятия им западных ценностей. На глобальный вызов коммунизма США ответили комбинацией контрмер, среди которых важнейшей стало завоевание «превосходства военной мощи».

Прошло немного времени после войны, и возникло явление, справедливо названное «новым рационализмом». Оно выросло, как писал известный американский исследователь «холодной войны» Дж. Гэддис, «из здравого представления о том, что по мере того как оружие становится всё *более* разрушительным, оно становится всё *менее* востребованным» [11, с. 569]. Действительно, после окончания Второй мировой войны в двусторонних советско-американских отношениях в области ядерных вооружений возобладал дух конкурентного противостояния пополам со здравомыслием, но устойчивый к соблазну действовать «на опережение». Возникли особые, «интимные» отношения между двумя сверхдержавами, непредусмотренные никакими мыслимыми моделями конфликтологии. «Признание их некоей субстанциональной данностью большинством специалистов любых политических убеждений, – пишет В.Л. Мальков, – требует отказа от плоских схем времен двухцветной (чёрно-белой) историографии 40-50-х годов XX века» [12, с. 385–386]. В историческом опыте периода послевоенного восстановления в Советском Союзе и периода реконверсии в США автор выявляет много удивительных аналогий. В основе данных аналогий – опасение внешней угрозы и эмоциональная реакция на этот вызов.

Один из важнейших выводов, вытекающих из исследования В.Л. Малькова, состоит в том, что преобладание российской внешней политики на протяжении более чем столетия объясняется не только и не столько национальными чертами российских политиков разных времён (достаточно распространённый тезис зарубежной историографии), сколько существованием весьма устойчивых геокультурных факторов, интересами национальной безопасности российской государственности, диктующими практические действия российской власти.

Список литературы

1. *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок: Анализ современных американских концепций. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 376 с.
2. *Бернс Дж.* Франклин Рузвельт. Человек и политик. М., 2004.
3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1944. Т. 1.
4. *Иванян Э.А.* История США. М. Дрофа. 2004. 576 с.
5. *Иванян Э.А.* Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М.: Международные отношения, 2007. 429 с.
6. Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша 1789 – 2001. М.: Изд. дом «Стратегия», 2001. 509 с.
7. История ментальностей. Историческая антропология / Сост. Е.М. Михина. М., 1996.
8. *Кимболл Уоррен.* Дипломатия кризиса: июнь – декабрь 1941 г. // Американский ежегодник. 1988.
9. *Крашенинникова В.* Америка – Россия: холодная война культур. М.: Европа, 2007. 389 с.
10. *Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гновис, 2005. 351 с.
11. *Мальков В.Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М.: Наука, 2004. 601 с.
12. *Мальков В.Л.* Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном аспекте. М.: Наука, 2009. 493 с.
13. *Мальков В.Л.* Франклин Рузвельт: проблемы внешней политики и дипломатии. М.: Мысль, 1988. 349 с.
14. *Павловская А.В.* Россия и Америка. Проблемы общения культур: Россия глазами американцев 1850–1880 годы. М.: Изд. Московского университета, 1998. 303 с.
15. Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность / Под ред. Е.И. Пивовар. М., 2007.
16. *Рузвельт Эллиот.* Его глазами. М.: Иностранная литература, 1947. 255 с.
17. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы. В 2 тт. М.: Политиздат, 1984. Т. 1. 510 с.

18. *Согрин В.* Политическая история США XVIII–XX в. М.: Весь мир, 2001. 400 с.
20. Теория и практика «баланса сил» / США: политическая мысль и история. М., 1976. 306 с.
21. *Уилсон Т.* Во имя интересов Америки: предоставление Советскому Союзу помощи по ленд-лизу. // Американский ежегодник. 1988.
22. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: глазами очевидца. М.: Иностранная литература, 1958. Т. 1. 679 с.
23. *Шлезингер Артур.* Циклы американской истории. М.: Изд. группа «Прогресс», 1992. 509 с.
24. *Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и ин-тертекстах. М., 2001.
25. *Яковлев Н.Н.* Франклин Рузвельт – человек и политик. М., 1969.
26. *Bennet E.M.* Franklin Roosevelt and the Search for Security: American-Soviet Relations, 1933-1939. Wilmington (Del.), 1985.
27. *Gorodetsky G.* Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940–1942. Cambridge, 1984.
28. *Gunter I.* Roosevelt in Retrospect. London. 1950.
29. *Herring G.* Aid to Russia, 1941–1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. New York, 1973.
30. *Kennan G.* Memoirs, 1925–1950. Boston, Toronto: Little, Brown and. Co., 1967. 583 p.
31. The New Historicism Reader / Ed. by A. Veenser. New York, 1994.
32. New York Times. 24.06.1941.